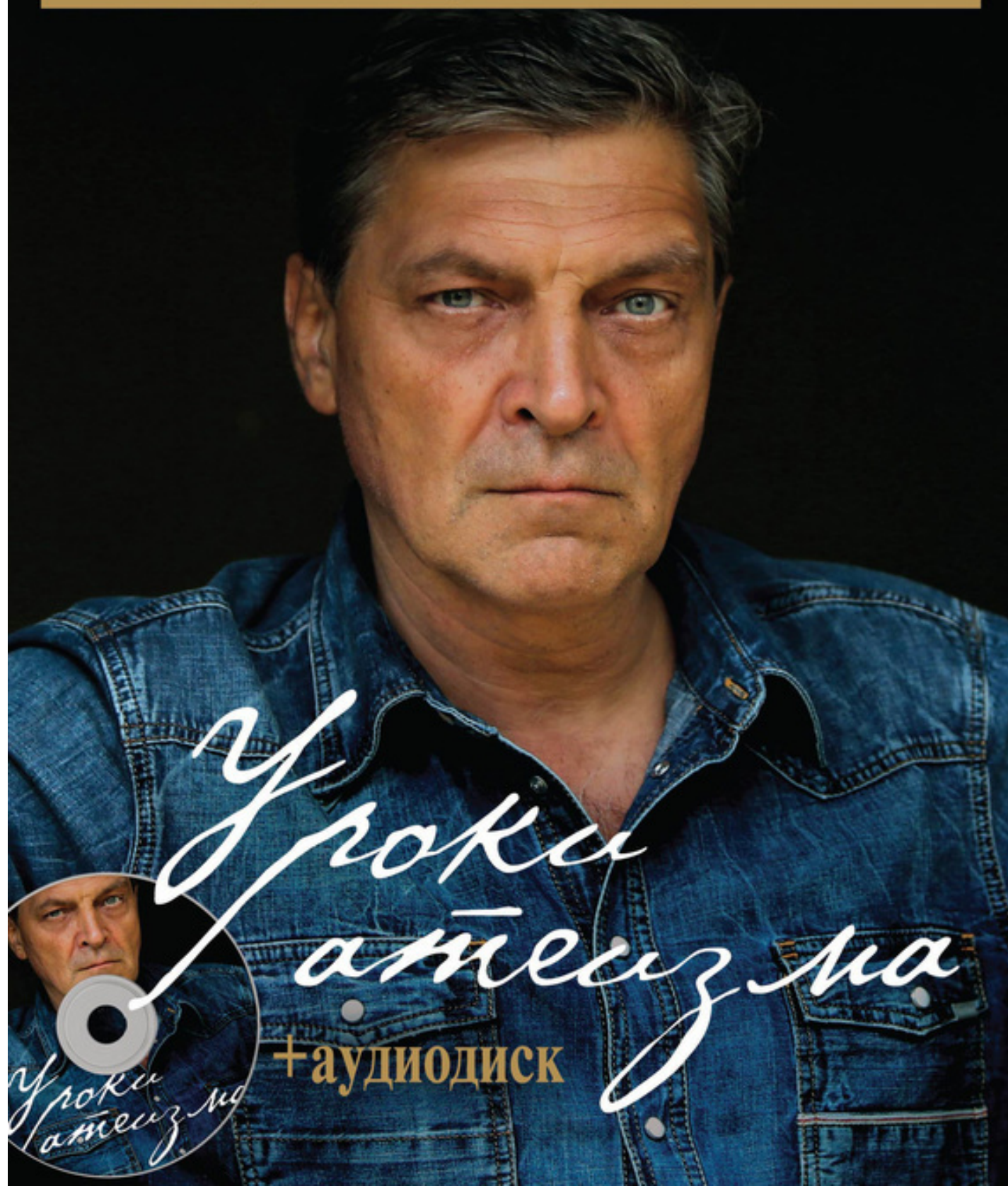

Александр Невzorов

Автор легендарной телепрограммы
«600 секунд», отец российской публицистики

Уроки
аттестации

+ аудиодиск

Александр Невзоров

Уроки атеизма

«ИП Невзорова Лидия»

2015

УДК 2
ББК 86.3

Невзоров А. Г.

Уроки атеизма / А. Г. Невзоров — «ИП Невзорова Лидия», 2015

ISBN 978-5-699-82339-0

Легенда отечественной публицистики Александр Невзоров известен как последовательный и бескомпромиссный критик церкви. Выпуски его передачи «Уроки атеизма» в Сети смотрели миллионы человек. И вот наконец все тексты собраны под одной обложкой. Как беседовать с верующими, что такое христианские ценности, как из века в век складывались взаимоотношения науки и церкви, для чего понадобилось защищать чувства верующих – об этом и о многом другом Александр Невзоров в своей фирменной саркастичной манере рассуждает на страницах книги. Компакт-диск прилагается только к печатному изданию.

УДК 2
ББК 86.3

ISBN 978-5-699-82339-0

© Невзоров А. Г., 2015
© ИП Невзорова Лидия, 2015

Содержание

Теория и практика кощунства. Часть 1	6
Теория и практика кощунства. Часть 2	9
Оторванные уши бога	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Невзоров

Уроки атеизма

© А. Невзоров, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Теория и практика кощунства. Часть 1

У всех культов и религий есть одна небольшая проблемка. Она заключается в отсутствии бога как такового, а также любых косвенных признаков его существования.

Эта досадная мелочь, конечно, нервирует верующих. Правда, не всегда. Они сами уже научились мириться с этим фактом, но очень переживают, когда о нем узнают другие. Верующим кажется, что когда открывается истинное положение дел, то они со своими свечками, культом вяленых мертвецов и чалмами выглядят глуповато.

Секрет отсутствия бога, конечно, можно маскировать невнятицей пышных обрядов, ритуальными танцами или демагогией про «духовность».

Можно. Но только до определенной минуты. А она рано или поздно приходит, и тогда практическое отсутствие божества становится очевидно всем и каждому. Согласитесь, для верующего это не слишком приятное мгновение. Выставленный дурачком, он, как правило, впадает в бешенство, которое (в меру его испорченности) может быть реализовано как через простой скандал, так и через очередь из «АКМ».

Есть много различных способов обнажить пикантный факт богоотсутствия. Но универсальной способностью расставить точки над *i* в этом вопросе обладает лишь хорошее, сочное кощунство.

Почему? Потому что, напрямую задев личное достоинство бога, кощунство по идее должно спровоцировать его на немедленные ответные действия.

По сути, бог получает подзатыльник. Конечно, он может поджать хвост и промолчать, но для существа с таким грозно-кровавым имиджем, как, например, у иудео-христианского бога, это не слишком приличная поза. Безмолвие и бездействие божества в этом случае работает на его десакрализацию, т. е. на рассвящивание. Рушится профессиональная репутация бога, крепко вколоченная в сознание публики.

Сочинители религий списывали основные черты богов с самих себя. Поэтому мстительность, мнительность и истеричность стали характерными особенностями и сверхъестественных персонажей.

Конечно, есть вариации. Есть культы помягче и пожестче. Но вот иудаизм, христианство и мусульманство давно попали в капкан собственной пропагандистской кампании. Они в отличие от других религий отрезали себе всякие пути к отступлению, придумав для себя не просто очень злобного, но еще и чрезвычайно капризного бога. Их бог начисто лишен чувства юмора, а 80 % его лексики – это шантаж и кровавые угрозы.

Конечно, все божества – от буддийской Палден Лхамо до чукотского Пивчунина – склочничают, истерикуют и истребляют людей. Но Зевс хотя бы периодически отвлекается на осеменение зазевавшихся гречанок, Палден часть времени тратит на пошив аксессуаров из кожи сына, а вот у библейского бога нет никаких других занятий, кроме самолюбования и запугивания бедных homo. Самоутверждается он исключительно посредством массовых убийств и распальцовок. И то и другое, судя по Библии, имело сумасшедший успех у скотоводов древности:

«И изолью на тебя негодование мое, дохну на тебя огнем ярости моей... Ты будешь пищею огню, кровь твоя останется на земле, не будут и вспоминать о тебе ибо, я, господь, сказал это» (Иез. 21–31, 22).

«И будете есть плоть сынов ваших и плоть дочерей ваших будете есть» (Левит 26–29).

«Старика, юношу и девицу и младенца и жен бейте до смерти» (Иез. 9–6).

«Кто вдали, тот умрет от моровой язвы; а кто близко, тот падет от меча, а оставшийся и уцелевший умрет от голода... и узнаете, что я – господь...» (Иез. 6–12, 13).

Даже ничем не обиженный, этот бог кидается с неба камнями, поливает людей огнем или насылает на них эпидемии, войны и несчастья (Нав. 10–11).

Он может засушить дерево, не обнаружив на нем в марте месяце плоды, а даму, оглянувшуюся на свой пылающий дом, щелчком пальцев превращает в соляной столп (Мф. 21–19; Бытие 19–26).

Без всяких причин он уничтожает целые города и вырезает народы, а в один прекрасный момент устраивает массовое убийство всего человечества в целом. В водах Всемирного потопа библейское божество хладнокровно топит всех, включая грудничков, беременных дам и древних старух, сделав исключение лишь для своего доверенного лица по имени Ной.

Отметим, что Библия предлагает нам очень специ-фическую картину бедствия. Все внимание акцентировано на кораблике, где уютно расположились зверюшки и Ноево семейство. Сотни тысяч, а возможно, миллионы детей и взрослых людей, мучительно умирающих в этот момент, удостоены лишь небрежного упоминания: «истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли; от человека до скота...» (Быт. 7—23).

Невинная шуточка деревенских детей в адрес его другого доверенного лица (пророка Елисея) тоже вызывает немедленную реакцию бога. Но поскольку он все время изобретает какие-нибудь новые способы убийств, то малышей не жгут серой и не топят, а рвут медведицами. «И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка» (4 Царств. 2—24).

Бог и медведицы после этого, вероятно, меланхолично ковыряют в зубах, предоставив матерям собирать и оплакивать останки разорванных детишек.

Вообще, согласно «священному писанию», дети – это особая слабость христианского бога. Он любит и умеет их уничтожать.

Мы, правда, не знаем, каким именно образом бог убил всех первенцев в Египте (Исх. 12–29), но массовый забой младенцев – это именно его имиджевая акция, к которой он тщательно готовился, обсуждая ее с Моисеем. «Священное писание» христиан дипломатично сообщает лишь о том, что «сделался великий вопль в земле Египетской, ибо не было дома», где не было бы маленького мертвеца.

Любил бог оттянуться на грудничках (1 Царств. 6—19, Пс. 136—9), но не обделял вниманием и внутриутробников (Осия 14—1). По этому поводу в книге пророка Осии употребляется особо пикантное выражение – «рассечь беременных».

Впрочем, разорванные дети, массовые убийства и насылания эпидемий – это штатный репертуар. Просто для поддержания в публике должного градуса «страха божия» и непреходящего напоминания о «величии его». Настоящая истерика божества начинается тогда, когда он в той или иной форме получает подзатыльник. То есть становится объектом насмешек или прямого глумления.

Естественно, никто из персонажей «священного писания» не называет бога «идиотом». Никто не рисует на него карикатур. Древнееврейские кощунства имеют весьма деликатную природу. Но! Даже попытка просто заглянуть в «ковчег завета» вызывает немедленную и очень злобную реакцию бога: «И поразил он жителей Вефсамиса за то, что они заглядывали в ковчег и убил из народа пятьдесят тысяч семьдесят человек» (1 Царств. 6—19). Забавная выходка мальчишек Надава и Авиуда, осмелившихся воскурить какой-то не тот ладан, приводит к тому, что «и вышел огонь от господа и сжег их и умерли они перед лицом господним» (Левит 10—2).

Мы можем предъявить множество таких примеров, но даже и этих достаточно, чтобы составить представление о характере и наклонностях Иеговы-Саваофа-Иисуса. В течение двадцати веков его имидж молниеносного и беспощадного карателя тщательно поддерживался и культивировался церковью.

Естественно, любая невинная шуточка в адрес бога должна и сегодня гарантировать нахалу превращение в пригоршню праха. Причем немедленно. А уж в случае прямого оскорбления «божьего величества» должны треснуть небеса, а архангелы – извлечь мечи огненные и порубить нечестивца на сотню обжаренных кусочков.

Расщепление культовых досок (икон) на вернисаже должно было бы завершиться потоками пылающей серы с небес. А песенка в ХХС – мгновенным разрыванием кощунниц по меньшей мере надвое. Но... звучат песенки «пуссей», летят иконные щепки, скрипят фломастеры «Шарли» – и ничего не происходит. Не летят шестикрылые серафимы и не разверзают небес шестнадцатиглазые херувимы. Многократно обещанное Библией кровавое шоу оказывается всего лишь древнееврейской сказкой. Такой же глупой и злой, как и фигура ее центрального персонажа.

Этот момент для всякого «верующего», выдрессированного в убежденности, что бог всемогущ, всеведущ, а главное, крайне свиреп, почти невыносим. Конечно, ему тоже очевиден признак «отсутствия». И тогда он собственной суетой пытается замаскировать ту нестерпимую тишину и будничность, что наступают после кощунства. И он заполняет ее воем миллионного митинга, автоматными очередями или голосом Марины Сыровой.

Верующих можно понять. Им очень не хочется выглядеть дураками, впустую потратившими жизнь на долбежку лбом об пол и поцелуй с сушеными трупами. Имея некоторый религиозный опыт, они точно знают, что в результате кощунства ничего не произойдет, и берутся сделать за своего бога его «работу».

Ситуацию подогревают попы. Когда обычными способами факт отсутствия бога завуалировать уже не удастся, то сочиняются новые статьи Уголовного кодекса, разжигаются костры, а верующим придумывают некие «особые чувства», которых нет у других людей. Эти «чувства» сегодня неплохо заменяют бога, сами становясь объектом поклонения.

О том, существуют ли эти «чувства» на самом деле, мы поговорим во второй части нашей статьи.

P. S.

Существует стереотип, основанный на каноническом и догматическом невежестве. Верующие наивно делят Ветхий и Новый Завет, вероятно, предполагая, что в них идет речь о разных богах. Отнюдь.

Особая пикантность ситуации заключается в том, что Иисус и разрыватель детишек медведями – это один и тот же бог, в зависимости от конъюнктуры меняющий имена и т. н. сущности.

В христианстве не три бога и не два. Он один.

Теория и практика кощунства. Часть 2

Прежде чем поцеловать попу руку, подумайте, что он делал ею пять минут назад.

Когда звучит простой вопрос: «А можно ли оскорблять чувства верующих?» – скиают даже самые прожженные либералы. Идеологические шпажки тут же запикиваются в ножны. Наступает время оговорок, десятков различных «но» и расшаркиваний. В результате получается невразумительное блеяние, не содержащее вообще никакого ответа.

Хотя ответ на этот вопрос предельно прост: на тех территориях, где не существует прямого законодательного запрещения на такое оскорбление, делать это, несомненно, можно. Более того, нужно. И даже необходимо.

Конечно, есть территории, избравшие своим уделом интеллектуальную деградацию или не имеющие никаких амбиций развития. Их список известен: Бангладеш, Россия, Нигерия, Афганистан и другие державы, ориентированные на самобытность и духовность. Там законы, защищающие «чувства верующих», разумеется, используются и применяются.

В кодексах развитых стран подобные запрещения иногда встречаются (в виде юридических окаменелостей), но в основном цивилизованный мир следует решениям Венецианской комиссии при Совете Европы, давно рекомендовавшей «исключить кощунство из числа правонарушений».

Смысл этой рекомендации понятен. Дело в том, что право на кощунство – гораздо более важное право, чем это кажется на первый взгляд. Кощунство – существенная компонента свободомыслия, позволяющая лаконично выразить свое отношение к набору тех архаичных нелепостей, что лежат в основе любой религии. Более того, публичное кощунство является прекрасным способом напомнить верующим, что они не единоличные владельцы мира, культуры и информационных пространств. Что помимо их воззрений существуют и диаметрально противоположные.

Это напоминание полезно и для самих верующих. Дело в том, что в благоприятных средах они быстро забываются и теряют ориентиры поведения. Что впоследствии неминуемо приводит к драмам. Мы многократно наблюдали, как попы сперва суют всем под нос руки, назойливо требуя поцелуев, а потом обижаются, созерцая свои окровавленные культы. Периодически натываясь кадыком на клинок атеизма, верующие трезвеют и «возвращаются в берега». Это сохраняет балансы и позволяет избежать неприятных эксцессов.

Возвращаемся в нашу тему. На территории РФ мы, к сожалению, лишены возможности публично кощунствовать. Почему мы говорим «к сожалению»? Потому что сегодня нам необходимо выяснить, существуют ли у верующих некие особые «чувства». Конечно, это проще было бы сделать на каком-нибудь живом примере. На минуточку запустив механизм кощунства, мы бы легко разглядели и конструкцию пресловутых «чувств». Верующие выучены отзываться на такие провокации и своей реакцией всегда предоставляют превосходный исследовательский материал. Но! По известным причинам (ст. 148 УК) мы не можем этого сделать, а поэтому будем рассматривать механизм «кощунство – оскорбление чувств», ни в коем случае не приводя его в движение. Так сказать, в статике. Впрочем, и выключенный, этот механизм тоже понятен, а ковыряться в нем пинцетами логики еще удобнее.

Итак. Предположим, что «чувства верующих», т. е. некие неведомые науке и недоступные другим людям ощущения, действительно существуют. В таком случае мы имеем дело с феноменом. С паранормальным явлением, достойным тщательного изучения. Практически каждый «верующий» утверждает, что наличие таких «чувств» радикально отличает его от всех остальных людей. Это серьезное заявление. Отметим, что сегодня оно является претензией на целый набор существенных привилегий.

Какова же природа этих «чувств»? По логике вещей они должны быть приложением к тому комплексу догматов, с исповедания которых начинается всякий верующий. Но если это так, то они должны быть неизменны точно так же, как само христианство. И иметь столь же древнее происхождение. В этом случае оскорбительное для верующих IV века должно столь же сильно оскорблять поклонников Иисуса и в XVII столетии. А то, что было нестерпимо для христиан X века, – непременно должно «сработать» и в XXI. Так ли это? Посмотрим.

Начиная с III века христиан смертельно оскорбляли Гомер, Еврипид, Софокл, Эсхил, а также вся античная классика. Почему? Да потому что эти авторы в своих сочинениях упоминали или прославляли языческих богов. Посему Гомера и прочих Софоклов запретили преподавать в школах, а их сочинения сжигались, закапывались в землю или соскребались с пергаментов. Тех, кто осмеливался их декламировать или просто читать, убивали. Бесконечное количество книг, содержащих имена Озириса, Зевса, Гермеса, Марса и других конкурентов Иеговы-Иисуса, были уничтожены.

Афиней Навкратисский в своем «Пире философов» называет относительно точные цифры: он пишет, что примерно 800 имен античных писателей и ученых и около 1500 их произведений были утрачены навсегда в период расправы последователей Иисуса с античной литературой.

В 391 году епископ Феофил дожег Александрийскую библиотеку. Там оставалось порядка 26 000 томов «оскорбительной» литературы. Благодетельнейший Валент приказал специально собрать по всей Антиохии книги дохристианского периода и уничтожить «без всякого следа». Папа Григорий I в 590 году издал декреталию, обязывающую покончить с «мерзостью» Гомеров, Апулеев и Демокритов. В ворохах сжигаемых книг частенько находилось местечко и для ученых того времени.

Хотя надо отдать должное христианам: в ту пору они еще любили разглядывать мучения своих оскорбителей и предпочитали убивать их каким-нибудь бездымным способом. Например, срезая с них мясо острыми ракушками. С живых. Именно так им удалось покончить с первой женщиной-астрономом Гипатией, убитой по распоряжению св. Кирилла Александрийского.

Надо сказать, что не только книги, но и вся античная культура «оскорбляла чувства верующих во Христа». Последователи «пресладкого бога» сносили храмы, дробили статуи, сывали фрески, крошили камеи и скалывали мозаики.

Спустя всего несколько веков мы видим представителей этой же веры, любовно коллекционирующих древнеримское и греческое искусство. Они уже мастерят стеклянные капсулы для камей с Аполлоном и сдувают пылинки с мраморных глаз Афины. По какой-то загадочной причине то, что так сильно терзало верующих и причиняло им «душевные муки», становится объектом их же восхищения, изучения и торговли.

Здесь становится правомерным первое сомнение в наличии неких особых «чувств», остро и напрямую связанных с верой.

Дальше все развивается еще любопытнее. Наступает минута, когда самым сильным оскорблением чувств верующих становятся... иконы. На секундочку заглянем в православную Византию VIII века. Гомер уже никого не волнует. Зато мы видим огромные костры из икон. Видим иконописцев, которым в наказание за их творчество отрубили пальцы или сварили руки в кипятке. 338 православных епископов на соборе 754 года (во Влахернской церкви) объявляют иконы самым страшным оскорблением религии и требуют их полного уничтожения. Православные толпы рыщут по всей Византии, выискивая повод оскорбиться посильнее. Они его легко находят, так как иконы есть в каждом доме. Тому, у кого в доме обнаруживают живописное изображение Иисуса Иосифовича или его мамы, эту икону разбивают об голову. После разбития крупные фрагменты некогда священных досок заколачивают в зад их владельцев.

Или в глотку. Ставится на поток и глумление над образами. Поверх ликов на иконах рисуются свинособачьи или «иные демонские рыльца».

338 православных епископов потирают лапки и еще усерднее зажигают верующие толпы, в красках расписывая нюансы той душевной боли, которую должна причинять истинно верующим иконопись. Но через несколько лет все меняется волшебным образом. 338 православных епископов, пошушукавшись, вновь берутся за дело – и по всей Византии начинается облава на тех, кто колот иконы и варил в кипятке руки живых иконописцев. В результате тех же самых православных, которых оскорблял факт существования икон, начинает оскорблять даже мысль об их сожжении или раскалывании. Начинается новый поиск виновных. Их находят без всякого труда и поят свинцовыми расплавами. Византийский пейзаж украшается трупами с выжженными ртами и внутренностями. Это – кошунники-иконоборцы. Теперь именно они вызывают ненависть христиан. Ровно такую же, как несколько лет назад, вызывали иконописцы и иконостасы. 338 православных епископов светятся счастьем, а иконы вновь объявляются особо почитаемыми предметами. Наигравшись в иконоборчество, верующие устремляются на поиски новых поводов оскорбиться.

Разумеется, сравнение христиан с бандерлогами, которые, погромив и напакостничав, быстро теряют интерес к объекту погрома и бегут искать новые, более сильные ощущения, не слишком корректно. Пока воздержимся от него. Посмотрим, что было дальше.

А дальше было еще интереснее. Христиане начали оскорбляться вообще на все, что попадалось им под руку: на астрономию, химию, книгопечатание, палеонтологию и ботанику. На открытие аптек, электричества и рентгеновских лучей. Опустим хрестоматийные и всем известные примеры Де Доминиса, Бруно, Бюффона, Мигеля Сервета, Шарля Этьена, Ивана Федорова, et cetera. Рассмотрим менее известные, совсем недавние скандалы.

Самое начало XIX века. Оскорбленные анатомией русские семинаристы под водительством казанского епископа Амвросия врываются на анатомическую кафедру Казанского университета, громят учебные коллекции, а все, что остается не расколото и не затоптанного, сбрасывают в специально заготовленные гробы, отпевают и хоронят под колокольный звон и пение.

Середина XIX века. Верующим нанесено новое страшное оскорбление: огромные кости, которые, по их мнению, служат доказательством существования описанных Библией великанов (Быт. 6–4, Числ. 13–34), наукой объявлены останками древних ящеров. Ученых прямо обвиняют в кошунстве, умалении авторитета «священного писания» и посягательстве на «основы благочестия».

Конец XIX века. Теперь верующие возмущены тем, что гинекология может стать легальной отраслью медицины. Возможность разглядывания, обсуждения, изучения и изображения *rima pudendi* приводит их в невероятную ярость. А спустя всего 50 лет христианки, сидя в гинекологических креслах, весело машут билетиками в ставшие модными палеонтологические и анатомические музеи.

Много столетий верующие имели возможность решать любые вопросы с помощью костров. Когда у них отобрали спички, они ринулись в юридические бездны, требуя защиты своих особых «чувств» особыми законами. Перечислить все, что на протяжении двадцати веков вызывало их истерики, практически невозможно. Это изобретение железных дорог, радио, авиации, бурение скважин и объяснение происхождения видов. Сегодня мы можем с уверенностью утверждать: все, что когда-то оскорбляло религиозные чувства, обязательно становилось гордостью человечества.

Но дело даже не в этом. Нас больше беспокоит тот факт, что оскорбленность верующих каждый раз вызывалась некой новой причиной, а через некоторое время проходила без следа.

Более того, всласть пооскорблявшись, христиане оказывались очень активными и благодарными пользователями того, что недавно причиняло им такую «душевную боль».

При всем желании мы не видим никакой связи их «чувств» с догматами их веры или другими паранормальными фактурами. Мы видим лишь обыкновенную людскую злобу, умело направляемую их идеологами то на одно, то на другое. Эта злоба пририсовывала в VIII веке свиное рыльце Христу на иконах, в XVI – заставляла громить первую в России типографию, а в XIX – травила Дарвина. Приглядевшись еще пристальнее, мы можем заметить (помимо злобы) нетерпимость к инакомыслию и новациям. Несомненно, злоба и нетерпимость – это сильные чувства. Но они не являются уникальными и не дают прав на привилегии.

Даже этот краткий анализ позволяет (с известной уверенностью) утверждать, что «особые чувства» верующих являются фикцией. Таким же надуманным и искусственным понятием, как и сама вера.

Дело в том, что религиозность не есть врожденное и неизбежное свойство человека. ДНК не занимается такими пустяками, как передача конфессиональной принадлежности. Вера – это всегда результат внушения, научения или подражания. Она всегда обусловлена условиями среды обитания и обстоятельствами. Точно так же обстоят дела и с «оскорблением чувств». Если верующего не выучить оскорбляться, то он никогда и не будет этого делать.

Давайте рассмотрим это утверждение на очень простом примере. Для максимальной наглядности нашего мысленного эксперимента возьмем фигуру главного христианина России, ревнителя православия Владимира Гундяева, известного под церковным псевдонимом «патриарх Кирилл». Предположим (бывает всякое), что маленького Володю в возрасте двух-трех лет украли бы цыгане. И, заметая следы, перепродали бы в другой, дальний табор. А оттуда – еще дальше. Госграницы для цыган – понятие условное. Посему перепродажи кудрявого малыша могли бы завершиться в Ассаме, Бихаре или другом штате прекрасной Индии. Разумеется, воспитанный джунглями, Володя был бы совершенно другим человеком. Он не знал бы своего настоящего имени. Его родным языком стал бы бенгальский. Ни о каких Христах, дикириях и кафизмах он не имел бы ни малейшего представления. Его богами стали бы слонолицый Ганеш, многорукая Кали и обезьянка Хануман. Его чувств никогда не оскорбила бы шалость «пуссей». А из щепок спиленного «Фемен» креста наш герой сложил бы костерчик и весело зажарил на нем жирную праздничную кобру.

Оторванные уши бога

История повторяется. Когда-то с пьедестала «центра вселенной» была свергнута Земля. Астрономия вынесла свой приговор, изменив статус планеты. Из точки «божественного средоточия», вокруг которого «все вращается и движется», Земля переместилась в разряд третьестепенного космического тела, не имеющего влияния ни на какие процессы Вселенной. Чуть позже не поздоровилось и Солнцу. Его астрономический статус был определен как «пожилая карликовая звезда».

А главная гордость планеты – органическая жизнь на поверхности – оказалась простым следствием удачно совпавших астрономических и химических обстоятельств. Более того, выяснилось, что «гордость» весьма эфемерна, а ее наличие зависит от огромного количества непредсказуемых и весьма капризных факторов.

Затем наука ниспровергла и человека. По крайней мере его физическое тело. Вскормленный легендами о том, что он, в отличие от прочих организмов, создан лично «сверхъестественной силой» по «ее образу и подобию», homo оказался весьма рядовым животным, недавно сошедшим с конвейера эволюции. Его родословие, как и у остальных организмов на Земле, началось не с Эдема и рук «творца», и даже не с набора нуклеиновых кислот, а с нескольких химических элементов, которым своеобразная среда планеты обеспечила возможность «химического промискуитета», т. е. возможность много и беспорядочно вступать меж собой в любые связи.

Чуть позже (как следствие этой оргии) сложились нуклеиновые кислоты и их интегративная сила, способная формировать новую, органическую форму жизни. Затем, теряя остатки всякого романтизма, присущего только процессам чистой химии, родословие человека продолжилось протобактериями, слепыми мягкотными организмами, круглоротыми рыбами, звероящерами, первыми плацентарными и наконец добралось до секции узконосых отряда приматов, где в настоящее время и приостановилось.

С последнего фамильного портрета в длинной галерее предков на нас смотрит «человеко-родиница». Это еще не лишенная покровной шерсти древняя самка homo, жадно поедающая свою собственную плаценту, как это вообще принято у большей части млекопитающих всеядных. Она только что разрешилась от бремени, и в ее глазках лукавое предчувствие славы Девы Марии и Коко Шанель. Действительно, пройдет всего пара миллионов лет, и она получит кружевные чулки и психику.

Мы здесь упомянули лишь два глобальных разоблачения, опустив тысячи мелких, чтобы вернуться к третьему, т. е. к «чуду» сознания, разума, мышления и интеллекта.

Нет сомнения, что рано или поздно и этот загадочный фактор ожидало развенчание, вслед за статусом Земли и происхождением человека. Оно, как и следовало ожидать, произошло по мере накопления знаний о головном мозге. Но тут-то и началась настоящая драма.

Выяснилось, что никакая научная, т. е. основанная на строгой фактологии, трактовка разума и мышления не в состоянии преодолеть барьер самолюбования homo, его уверенность в своей необыкновенности. Да, физиология высказалась, а эволюционистика, физика, химия и геология подтвердили ее печальный вывод.

С учетом «низкого биологического происхождения» человека ничего неожиданного в нем и не могло быть, но... homo выслушал вывод – и в ответ «включил» на полную мощность уверенность в том, что секрет его разума выше всякого знания. Теология, философия, психология, эзотерика, поэзия и литература провозгласили разум человека вечно таинственным Граалем, изготовленным надмирной силой специально для homo. Его-то и передают друг другу через века Данте и Майкл Джексон, Да Винчи и Блаватская.

Это сегодня человека мало беспокоят разоблачения астрономических и филогенетических мифов, но поначалу он устраивал весьма эмоциональные истерики как по одному, так и по другому поводу. Он жег и бросал в тюрьмы разоблачителей, вырывал у них отречения, травил, проклинал, подвергал остракизму, писал и издавал тысячи томов опровержений.

Следует понимать, что кардиналы, судившие Галилея, инквизиторы, сжигавшие Бруно, профессора, травившие Дарвина, сражались за право человека на исключительную роль в мироздании. Истребляя и вразумляя разрушителей священных легенд, апологеты духовности защищали уникальность homo и центральность его роли в мире и Вселенной.

Спустя некоторое время homo успокоился. Он утешил себя тем, что, несмотря на астрономическую ничтожность места его обитания и «обезьянье прошлое», с ним навсегда остается его «Священный Грааль», т. е. чудо его психики и «внутреннего мира». Наука рукой Дюбуа-Раймона подписала мирный договор с метафизикой, признав в мышлении таинство, механизм которого – *ignoramus et ignorabimus* (не знаем и не узнаем). Тем самым была проведена жирная черта, отделившая в самом главном вопросе человека от животного.

На некоторое время все затихло. Но в первой же четверти XX века добрый взгляд Ивана Петровича Павлова принес жуткую весть: механизм образования условных рефлексов у человека оказался точно таким же, как и у всех остальных животных. В этой простой формулировке заключался смысл, с которым смириться было уже невозможно. Это означало, что мозг у всех высших млекопитающих работает по одному и тому же принципу, а продукты этой работы не имеют принципиальных биологических отличий.

В «чашу Грааля» закапала слюна «собачек», существенно меняя химический состав эликсира, который тридцать веков опьянял человечество.

Напоследок Павлов вытер руки о грязный халат и деликатненько посоветовал человечеству отказаться от понятия «психика», заменив его на более точное определение – «сложно-нервная деятельность организма». Чуть позже все, что еще могло после Павлова оставаться непонятным, разъяснили Пенфилд, Джаспер, Мэгун, Моруцци et all.

Реакция была предсказуема. Трезветь и перемещаться в статус дрессированного животного человек категорически не захотел. Он вцепился во все, что могло подтвердить наличие и непостижимость его главной «тайны».

Сегодня, пользуясь случаем, имеет смысл повернуть эту «тайну» в пальцах и хорошенько ее рассмотреть. Мы знаем эту тайну, она всегда под рукой, всегда в доступности; она имеет тысячи форм и давнюю историю.

Итак, мы говорим о гипотезе, согласно которой в основе разума, мышления и интеллекта все же содержится некий таинственный и непостижимый компонент. Именно он обеспечивает прозрения, вдохновение, способность чувствовать и оценивать красоту, верить и пророчествовать; его наличие обеспечивает работу «кантовского императива» и желание в весенний денек постучаться крашеными яйцами. Вероятно, этот же компонент обязывает homo прослезиться от 9-й симфонии Бетховена или от «Комаринского». Также он генерирует совесть и потребность маршировать.

Остается решить, что же это? Либо это действительно «внефизическая» компонента, либо сложные цепи условных рефлексов, вызываемых крайне специфическими, виртуозно структурированными раздражителями.

В «чистом виде» данная гипотеза обитает во всех религиях мира. В несколько контаминированном (загрязненном) варианте – в культурах и философии. У нее много транскрипций, но мы можем воспользоваться как ее самой лаконичной номенклатурой, т. е. понятием «бог», так и различными производными: «душа», «дух», «духовность» et cetera.

По этой версии мышление и разум – это «зеркало, в котором можно втайне увидеть образ божественного разума» (*Рёскин*), а также «разум в состоянии существовать и действовать независимо от физического организма», и «он способен воздействовать на обычную материю обра-

зом, который невозможно объяснить с помощью известных законов физики» (*Кремо*). Шопенгауэр утверждал, что «интеллект не существует сам по себе, но подчиняется динамической и суперрациональной силе», а Юнг говорил: «Наша психика – часть бога, и тайна ее безгранична».

Сюда же следует отнести и различные характеристики «духовности», поскольку иррациональная гипотеза прочно увязывает интеллект именно с ней. Бердяев характеризует ее так: «Духовность есть богочеловеческое состояние». Антоний Сурожский утверждает, что «духовность заключается в том, что в нас совершается действие духа святого».

Здесь легко заметить неконкретность формулировок светочей религиозного мышления и вспомнить «духовность» в ироничной трактовке Поля-Анри Гольбаха: «Отсюда одно за другим появились понятия духовности, нематериальности, бессмертности. Все эти неопределенные слова, которые мало-помалу изобрели, изошряясь во все больших тонкостях, для обозначения свойств неизвестной субстанции, каковую человек счел заключенной в себе в качестве скрытого принципа своих видимых действий...» «Люди всегда имели склонность прикрывать свое невежество изобретением слов, с которыми не соединялось никакого смысла».

Но оставим пока Гольбаха с его вечным насмешничаньем. Нетрудно вспомнить, что Поль-Анри, развеселившись, пообещал «оборвать богу уши». Впрочем, Гольбах вновь выведет нас к «формалиновым формулировкам», а дорогу к ним мы теперь хорошо знаем и сами. Мы, напоминая, решили добросовестно и доброжелательно отпрепарировать идею бога и ее возможную роль в мышлении и интеллекте человека.

Эта идея расплывчата и капризна. Но закроем глаза на ее изъяны. Постараемся выудить из нее все, что могло бы нам пригодиться.

Возможно, «сверхъестественное» и есть то звено в цепочке последовательных актов мышления, которого нам недостает, чтобы объяснить парадоксальность слез животного при чтении им «Маленького принца» или других образцов радикального лицемерия и сентиментализма?

Помимо всего прочего, версия важной роли иррационального фактора в процессах мышления и восприятия является весьма и весьма успешной. Эта гипотеза безраздельно царствовала тридцать веков. Она породила прекрасную легенду о «психике». Она сформировала все виды культуры и большинство моделей поведения человека. Она же когда-то нянчила маленькую науку. И именно к ее горлу малютка в первую очередь (еще из колыбели) и протянула руки. К середине XIX века после долгой взаимной борьбы науке удалось почти придушить свою старую нянюшку, но у той оказалась на удивление крепкая шея.

Конечно, можно скептически игнорировать мнения различных «сурожских-платонов-бердяевых-юнгов». Их формулировки бессодержательны, а их заслуги – в контексте нашей работы – весьма сомнительны. Но что мы будем делать с почти фанатичной религиозностью Исаака Ньютона и Пастера, с агрессивным мистицизмом Т. Шванна? Можем ли мы забыть об эзотеризме членов Теософского общества Эдисона и Фламариона? О страстном спиритуализме Бутлерове? Удастся ли нам списать на некое недоразумение набожность великого химика Рамзая, а также религиозность еще множества творцов науки? Куда мы денем Дж. Экклса с его мнением о реальности «души»? Как будем игнорировать епископский сан автора теории «Доминанты» А. А. Ухтомского и благочестие аббата Менделя?

Будем честны до конца: большинство «создателей» нашего интеллекта не имело никаких сомнений в том, что версия «надприродности» мышления является единственно верной. Даже если мы возьмем нейрофизиологию, где сумма минимальных обязательных знаний должна была бы страховать от заражения мистицизмом, то в списке из примерно трехсот главных имен ее создателей мы едва насчитаем десяток-атеистов.

Стоит также вспомнить сэра Альфреда Рассела Уоллеса. Он одновременно с Дарвином сформулировал принцип развития видов, происхождения от общего предка и (отчасти) роль мутаций. Уоллес, будучи почти равновеликим Дарвину творцом эволюционной теории, лучше других видел ее слабые стороны и уязвимость. Он утверждал, что человеческий разум не может объясняться одним лишь естественным-отбором и что метаморфоза обезьяны в человека не могла обойтись без вмешательства «внебиологической силы». Причем следует помнить, что смутила Уоллеса не филогения, а именно не объясняемое отбором, конвергенцией, дивергенцией и мутациями «пришествие» мышления человека.

Конечно, недоумение Уоллеса мы можем списать на то, что он не был знаком ни с физиологией мозга, ни с теориями условных рефлексов и ретикулярной формации. Формально это очень красивый ход, который, возможно, закрывает «вопрос Уоллеса». Но вот с гегельянцем Ч. С. Шеррингтоном или с епископом А. А. Ухтомским он уже не сработает. Они оба не только прекрасно знали мозг и павловскую теорию, но и лично наблюдали экспериментальную составляющую теории условных рефлексов.

Спрятаться от всей этой фактуры за отговорками о детерминированности личности всех этих людей их «темным временем» тоже не получится. Это будет трусливая и беспомощная отговорка. У Экклса, Оуэна, Вирхова, Шеррингтона, Пастера и Эдиссона не было никаких причин бояться костров инквизиции или набожных жен.

Фактор наличия множества «верующих ученых», конечно, не является решающим для исследуемого вопроса, но и во влиятельности ему отказать на первый взгляд никак нельзя. Все вышеупомянутые лица являются реальными творцами цивилизации, обладателями наиболее точного и здравого взгляда на мир. Именно им, а не кому-либо мы обязаны успехами человечества, ибо, как совершенно справедливо замечал Жак Лёб, «истинная история делается в лабораториях, а не в парламентах или окопах».

Убежденность различных поэтов-живописцев-композиторов, вне зависимости от их славы и известности, можно не принимать всерьез. Они в действительности мало что стоят и пригодны только для развлечения. Но здесь мы говорим о тех, для кого, по выражению И. П. Павлова, «ясновидение действительности» было профессией и смыслом жизни.

Именно ученые меняли к лучшему судьбу вида. Нам предстоит выяснить, насколько их мнение по данному вопросу может быть аргументом в пользу «сверхъестественного» начала в мироздании и в мышлении человека. Да, все они, от Аристотеля и Декарта до Пастера и Шеррингтона, по идее должны быть для нас авторитетами. Но именно они и научили нас не иметь никаких авторитетов.

Они же научили нас заботиться о «стерильности пробирок», раз и навсегда пояснив, что даже самое драгоценное загрязнение лабораторной посуды не позволяет получить чистого результата при проведении опыта. А мнения и убеждения великих, несмотря на всю их почтенность, – это тоже «осадок на стенках пробирки». Тот самый, который необходимо смыть. Пол Карл Фейерабенд (1924–1994) первым решился пояснить, насколько необходимым и продуктивным методом является отсутствие т. н. уважения к именам в науке. Конечно, желательно соблюдать некоторые приличия, но не переходя при этом границ простого лицемерия. Следует помнить, что от почтения к имени до догмы – один шаг.

Итак. Как мы уже установили, научное открытие – это прежде всего очень высокая степень безошибочности в оценке того или иного частного явления или свойства. Теперь понаблюдаем за тем, передается ли с великих открытий «фактор безошибочности» на все, в чем были уверены наши «великие открыватели».

Начнем с Аристотеля, полагавшего, что метеориты – это «испарения земли, которые поднимаются ввысь, а приближаясь к некой «сфере огня», загораются и падают вниз». Можно припомнить его же трактовку существования палеонтологических останков: Стагирит объяснял

их действиями «подземных подражательных сил, которые копируют происходящее на поверхности».

А вот И. Ньютон полагал, что все сообщения о метеоритах – глупая выдумка, потому что им вообще «неоткуда падать». Также «на основании сопоставлений астрономических и исторических доказательств» он отстаивал собственное убеждение в том, что возраст Земли не превышает шести тысяч лет.

Ф. Бэкон страстно рассуждал о роли ведьм в погублении посевов, В. М. Бехтерев был поклонником «цветотерапии», У. Гладстон утверждал, что древние греки не различали цвета, а великий Либих был убежден, что дрожжи не являются живой органикой.

Роберт Бойль требовал, чтобы рудокопы представляли отчет, с какой именно глубины земных толщ начинаются «обиталища демонов» и как выглядят их «гнезда», а Бюффон заявлял, что в Северной Америке эволюция идет медленнее, чем на других континентах. И. Кеплер утверждал, что кратеры на Луне воздвигнуты лунными жителями, К. Фламарион был уверен, что на ней существует растительность, а Галилей убеждал, что мысли Кеплера о влиянии Луны на приливы и отливы в морях и океанах Земли – «вздор и ребячество». Кеплер же был убежден, что цвет – «это вещь совершенно отличная от света, некое качество, пребывающее на поверхности непрозрачных тел».

Коперник не сомневался в наличии описанных Птолемеем «хрустальных сфер неба». Он лишь скорректировал египтянина, сократив количество «сфер» с восьмидесяти до тридцати четырех. Это милое заблуждение даже вынесено в заглавие основного труда его жизни – «О вращении небесных сфер».

Лорд Кельвин заявлял, что рентгеновские лучи – это мошенничество, что никакой аэроплан летать не сможет, а в 1900 году выразил уверенность и в том, что ничего нового в физике открыть уже нельзя.

Жан-Жозеф Вирей в своем фундаментальном труде «Естественная история человеческого рода» (*Париж, 1824*) утверждал, что негры выделяют пот черного цвета, а Резерфорд – что коммерческое использование атомных процессов невозможно в принципе.

Тихо Браге настаивал на том, что вокруг Солнца вращаются все планеты, кроме Земли, которая остается неподвижной. Жозеф де Лаланд утверждал, что вероятность полетов на воздушном шаре – пустая фантазия, а Французская академия наук в полном составе смеялась над идеей громоотвода. Она же потешалась над дифференциальным исчислением Лейбница, над теорией телеграфа и настолько категорично отрицала существование аэролитов (метеоритов), что требовала их убрать из всех музеев.

Великий Христиан Гюйгенс считал дефицит пеньковых веревок главной проблемой планеты Юпитер. По мнению Гюйгенса, наличие «при нем» четырех лун (тогда было известно лишь четыре спутника Юпитера) неопровержимо свидетельствовало о неспокойности морей этой планеты и, соответственно, о необходимости очень большого количества сверхпрочного такелажа для крепости парусов юпитерианского – флота.

Эдвард Кларк (1820–1877) предупреждал, что образованность женщин приводит к «пересыханию» у них матки, а авторитетнейший гинеколог своего времени Джордж Нефейс (1842–1876) убеждал, что мастурбация ведет к слабоумию.

Сэр Артур Кизс возглавлял и организовывал тот почтительный хоровод, который палеоантропология первой половины XX века почти сорок лет водила вокруг останков т. н. Пилтдаунского человека (мы помним, что какой-то весельчак смастерил их из вполне рецентного черепа и обезьяньей мандибулы, затем покрасил бихроматом калия и «вбросил» в научное сообщество под видом древнейшей окаменелости).

А. Сент-Дьердь учил тому, что белок проводит электричество, хотя на самом деле он является изолятором.

Этот занятный реестр можно продолжать почти до бесконечности.

Лейбниц отвергал ньютоновские идеи тяготения; Тесла и Маркони уверяли, что получают радиосигналы с Марса; Дарвин страстно проповедовал и разрабатывал нелепую теорию пангенов; Ричард Оуэн не смог обнаружить в мозгу обезьяны гиппокамп; Кювье доказывал, что эволюция – это полный вздор; Карл фон Бэр категорично отрицал родственность живых организмов; Эдмунд Галлей полагал, что Земля имеет внутренние шары, тоже окруженные атмосферой, утечки которой образуют полярное сияние; Д. Пристли был убежден в существовании флогистона; Р. Вирхов посмеялся над настоящим черепом неандертальца, сделав авторитетное краниологическое заключение, что он принадлежит не древнему человеку, а русскому казаку-алкоголику XIX века; У. Гопкинс и Ч. Лайель были убеждены в глупости утверждения Л. Агассиса, будто бы лед способен передвигать каменные глыбы, и посему предложили даже не обсуждать идею перемещения камней ледниками как нелепую; А. Везалиус категорически выступал против разделения нервов на двигательные и чувствительные; К. Варолий (Варолиус) утверждал, что именно мозжечок является органом звуковых восприятий; Дальтон был убежден, что в передней камере его собственного глаза содержится жидкость синего цвета и что именно эта аномалия обесцвечивает для него картинку мира; Гальвани до конца дней пребывал в уверенности, что открыл «электрический флюид», способный воскрешать мертвые организмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.